

Когда мама вошла в детскую, возникал театр

Роксану САЦ можно назвать хранительницей домашнего очага — ведь она продолжает дело своей знаменитой матери — Натальи Ильиничны Сац, которой в эти дни исполнилось бы 100 лет со дня рождения. Для нее, женщины яркой, красивой и трудной судьбы, домом являлся Детский музыкальный театр, который она создала и благословила на добрую жизнь. Роксана Николаевна делится с нами воспоминаниями о своей матери.

— Великая Наталия Сац для вас была родным и близким человеком. Какой вы вспоминаете маму?

— Могу говорить только о каких-то импрессионистических, очень точечных впечатлениях. Мамина биография с арестами, заключениями и ссылками сделала прерывистыми наше общение да и просто совместное проживание.

Но и в детстве, когда мы счастливо жили вместе, я видела маму гораздо реже, чем мне бы хотелось. Она была всегда необычайно занята. Конечно, она никогда не кормила меня манной кашей, так же, как, кстати, и себя. Потому что в доме никогда не было организованного быта в смысле правильной еды и толкового распорядка дня. Даже когда были домработницы, которые у нас не задерживались.

Все впечатления от мамы, с самого раннего детства, носят художественный характер. Когда она входила в детскую комнату, то возникал театр. Мама для меня всегда была человеком непредсказуемым. Я никогда не могла предвидеть, какой увижу ее на следующий день: в чем она будет одета, в каком окажется настроении, расскажет ли сказку (она придумывала их великолепно). Детское воспоминание: мама — сказочная фея с яркой внешностью, с распущенными светящимися каштановыми волосами.

Второй образ возник, когда я навещала ее в ссылке, в лагере под Рыбинском. Ужасно боялась встретить изможденную, морщинистую, постаревшую маму в тюремной одежде. А увидела гордую женщину необыкновенной красоты, с живыми глазами, в барашковой шапочке, кокетливо сдвинутой набекрень, в пальто с таким же барашковым воротником. Только кудри были совершенно серебряными — она посидела за несколько часов, в ночь ареста.

Такое же впечатление было у Виктора Розова (он и в воспоминаниях написал об этом), когда он приехал в лагерь с концертом. К нему подошла элегантная Наталия Сац и сказала: «Меня наверняка скоро освободят, и я обязательно приглашу вас в свой театр!» Он был ошеломлен словами заключенной. Но несколько лет спустя она действительно пригласила его в Казахстан ставить спектакль «Снежная королева».

Когда она шла, то все часовые расступались, а уголовники уважительно произносили: «Наталия Ильинична, наша королева». Третий образ мамы связан с ее возвращением из заключения, где она в тот раз провела шесть лет. Я в это время жила в детском доме. Вернулась в Москву чуть раньше мамы, меня как родную приняли Сулержицкие (тогда существовало понятие «театральное братство»). Вместе с Марией Николаевной Сулержицкой мы пошли встречать маму и... не узнали ее в элегантной, хорошо одетой блондинке. Когда мы вернулись домой, мама сидела на кухне у Сулержицких и хохотала. Оказывается, на все деньги, которые у нее были, она взяла себе каюту первого класса, купила роскошную шляпу, серебряный плащ и что-то еще из одежды. Она не могла позволить себе унизиться и вернуться с опущенной головой.

— Доброй феей Наталия Ильинична была не только для своих детей, но и для всех зрителей, от несмышленных дошколят до почтенных стариков.

— Не только. На арбатской квартире, в пору моего детства, у нас жил попугай Лорка, который к

каждому из нас имел свое отношение. Домработницу он презирал и всячески ей пакостил. Меня признавал за хозяйку, к отцу относился с почтением, старшего брата снисходительно терпел, а маму обожал. Он хоть и попугай, но был личностью и мужчиной. В маме он сразу увидел необыкновенную женщину. Когда она входила, он распускал хвост и крылья, становясь похожим на павлина, галантно наклонял головку и невероятными звуками приветствовал ее. Так он не вел себя ни с кем. Мама тоже наклоняла голову и говорила: «Здравствуй, птицын, здравствуй, дорогой». От звуков ее низкого голоса попугай приходил в полный восторг, и их джентльменский разговор продолжался.

— А вашей школьной жизнью мама интересовалась?

— Мама никогда не обращала внимания на то, как я была одета, что ела и даже какие отметки я получала. Когда я ей сказала, что окончила школу с отличием, она очень удивилась и прокомментировала: «Впрочем, я всегда считала, что так должно быть».

— Все, кто имел счастье быть близко знакомым с Наталией Ильиничной, отмечают, что она не терпела, просто физически не переносила несправедливость. Вам пришлось столкнуться с проявлениями этой черты характера?

— В младших классах я училась в особой образцовой школе вместе со Светланой Сталиной, Светланой Молотовой и другими детьми «великих родителей». На уроке физкультуры одна из моих одноклассниц решила меня унижить. Она спихнула меня со стула и сказала: «Мой дедушка — известный писатель, а ты всего лишь дочка Сац, поэтому сидеть на этом стуле буду я». Я, извините, дала ей пощечину. Внучка классика заревела, был приглашен директор, который сказал, что вынужден исключить меня из школы.

На следующее утро я зашла к маме, нарушив табу. Строгие правила семьи запрещали входить в мамину комнату без стука и рано утром, так как вечерами мама возвращалась из театра очень поздно. На этот раз мама не стала меня ругать, сразу поняв, что случилось что-то из ряда вон выходящее. Заливаясь слезами, я пыталась довольно косноязычно ей объяснить, повторяя: стульчик, Даша, директриса. Она поняла все и сразу. Позвонила в театр, отменила репетицию, вызвала роскошную по тем временам машину своего мужа Вейцера. Затем начала одеваться так, как одеваются на торжественный официальный прием: красное атласное платье, отороченное золотом, золотые туфельки и леопардовая шуба, которую она привезла из Буэнос-Айреса, где ставила «Свадьбу Фигаро» Моцарта.

В школу мы приехали, когда в актовом зале проходила линейка, на которой октябрат принимали в пионеры. Там были все учителя во главе с директрисой. Мама в распахнутой леопардовой шубе медленно вышла на середину зала. Внимание всех переключилось на нее, недопринятый пионер юркнул в октябрьские ряды школьников. Мама вызвала мою обидчицу и попросила рассказать, что произошло. Девочка потупилась и смогла произнести только несколько слов. Тогда мама рассказала все так точно, словно она присутствовала при случившемся накануне. «Я правильно рассказывала?» — спросила она девочку. Та согласилась. Тогда мама обратилась ко мне: «Роксана, ты поступи-

ла правильно. Никогда и никому не позволяй себя унижать. А заслуги даже самых близких людей — не повод для зазнайства». Повернулась и вышла. И вся школа провожала ее восторженными взглядами.

Для меня до сих пор загадка, как она могла понять ситуацию так безошибочно? Быть может, потому, что обладала уникальной душевной зоркостью и безупречным зрением сердца. Это были ее главные материнские и человеческие качества.

Вернувшись домой, мама сказала: «Я не хочу, чтобы ты училась в этой школе. Мне не нравится чванство. Терпеть не могу чванливый». И с начала учебного года (мама не признавала скоропалительных действий) я перешла в другую школу.

— Наталия Ильинична часто говорила: «Я ничего не боюсь»...

— У нее была своя, особая система оценок. В период, когда я была сорвиголовой, она купила мне роскошную шубу. В то время я училась лазать по заборам, и шуба была порвана в клочья, когда я ссыпалась с очередной преграды. Домработница пришла жаловаться маме. Она выслушала и расхохоталась: «Я тоже не была пайной». А меня спросила, преодолела ли я этот забор. «Я на него влезла, а другие не смогли». Она похвалила и нисколько не ругала меня за порванную шубу, хотя новую мне не купили — я так и ходила в латаной-перезашитой. А уж как она восторгалась проделками Ильи, своего любимого младшего сына. Ее вызывали в школу и жаловались, что он перелезает через окна, бедокурит. Она отвечала: «Как талантливо он придумывает проделки!» Она любила все яркое и значительное.

— К ней всегда тянулись яркие личности?

— Я видела много раз, какое ошеломляющее впечатление ее неиссякаемая женственность производила на людей. Особенно на детей. Меня всегда удивляло, как безошибочно дети вычисляли «тетю Наташу» среди обычных женщин. Они стремились мчаться к ней, чтобы взять автограф, поговорить. Она всегда беседовала с ними на равных, не сюсюкала и не потакала.

Она очаровывала людей и очаровывалась сама. Ее взаимности добивались самые великие. Красавица, остроумный собеседник, веселый, мужественный и бесстрашный человек, она умела менять свою жизнь. Четыре раза была замужем, родила троих детей, создала шесть театров.

— Как выходила Наталия Ильинична из ссор, ведь жизни без них не бывает?

— Я помню, как однажды перед концертом на нее крепко обиделась. Сидела и думала, что никогда к ней не подойду и не заговорю. И даже не войду в зрительный зал. И уже в пальто на секунду заглянула в зал и услышала ее пленительный голос: «А знаете, как меня зовут? А вот и нет. А меня зовут Наташа. А вас как?» Повторить и рассказать невозможно, но через две минуты весь зал был в нее влюблен, а я забыла все свои обиды. Как открыла рот, так и не смогла его захлопнуть до конца концерта.

— Вы постоянно работали вместе с Наталией Ильиничной?

— Нет. Я работала у нее в театре в Казахстане, а потом окончила педагогический институт и учительствовала.

В Алма-Ате пробовала себя на актерском поприще. Вернувшись из ссылки в 1943 году, Наталия Ильинична как жена «врага народа» не имела права проживать и работать в Москве. Ее отправили в Казахстан в распоряжение Комитета по делам искусств республики, предоставив должность режиссера Театра оперы и балета. В

Алма-Ате она создала изумительный детский театр, где все дышало поэзией.

Я была студийкой, выступала на сцене. Мама была страшно требовательной, и работать с ней было трудно. Помню, как она кричала на меня, когда я не смогла выполнить ее мизансцену в спектакле «Молодая гвардия». Мамина режиссерская задумка заключалась в том, что я, юная подпольщица, должна была буквально по воздуху, почти не касаясь колена партнера (по спектаклю — Сережи Тюленина), взлететь к нему на плечи и выхватить красный флаг. Взлететь я не смогла, мама негодовала, заменила меня одной-второй-третьей актрисой. Они тоже не справились, пришлось вернуть меня. На репетиции, очевидно, от страха, все прошло успешно, а на просмотре я перелетела через голову партнера и упала в оркестр. И сразу услышала возглас мамы: «Она переломает мне все инструменты!».

Однажды, в «Двенадцатой ночи», я играла одну из двух фей, а мама — Виолу. Феи ходили вокруг Виолы и делали какие-то плавные движения. Между выходами был большой перерыв. Ею и двумя моих поклонниками использовали для своеобразной прогулки. Накануне мы прочитали «Венеру Ильская» Эдгара По, поразившую наше воображение. В театральном дворе стояла статуя огромной физкультурницы, я предстала, что это Венера и полезла на нее. Тяжелая статуя рухнула, чуть не раздавив меня, и сломала мне ногу. Больше всего я испугалась того, что не выйду на сцену, пыталась сделать шаг-другой, но тщетно. Меня отвезли в больницу. На следующее утро на всю больницу раздался страшный крик: «В театральном костюме, во время спектакля, лезть на какую-то статую... Как может позволить себе это человек, который хочет посвятить себя искусству? Она, моя дочь, разрушила мизансцену!» Это была характерная реакция мамы. Все, что касалось театра, было неприкосновенно и свято.

И вместе с этим мама всегда понимала мои житейские проблемы, чувствовала мои трудности. Когда сын женился, родился внук, а мы продолжали жить в коммуналке, она появилась на пороге и сказала: «Я купила тебе квартиру!» Она это сделала без всяких моих просьб, и ничего не говоря заранее.

— Настоящий подарок Синей птице.

— Золотой ключик, Синяя птица и волшебный алмаз — были ее символами. Она говорила, что Синяя птица — это та мечта, которая зовет, и ты идешь за ней. И даже пусть мечта не осуществится, а Синяя птица улетит, зато ты идешь туда, куда предназначено судьбой. А золотой ключик дан для того, чтобы открывать в людях самое лучшее, что она и делала на протяжении всей жизни.

Именно она увидела в моем сыне, своем внуке, будущего одаренного музыканта и настояла на том, чтобы он учился. Моих возражений не слушала, купила пианино, взяла Мишу за руку и повела в Гнесинку, хотя он ничего еще не умел. То же самое она сделала с Мишиной дочкой Аней, которая сейчас лауреат международных конкурсов. Я опять была против, а она сказала: «Знаешь, как в «Синей птице» фея берет волшебный алмаз, чтобы увидеть суть вещей. У меня нет такого алмаза, но мне кажется, что я способна иногда видеть суть людей». И это ее умение видеть суть людей было поразительно. Как и способность добиваться намеченного. Представьте: Алма-Ата, еще не кончилась война, а Наталия Ильинична строит театр. И все руководство республики ее поддерживает и выделяет деньги. Когда она вынуждена была уехать из города, театр сгорел. То же самое произо-

шло с ЦДТ сразу после того, как ее посадили. Словно театры были преданы ей и «бунтовали», когда создательница уходила.

Когда мама создавала театр, она позволяла и сказала: «Слушай, я, кажется, возмю тебя в театр». Я ответила: «Спасибо, мама. Я нашла свою дорогу в жизни, и мне она нравится». Мама удивилась: «Назначу тебе зарплату 110 рублей». Я ответила, что получаю в несколько раз больше. «Как знаешь, я никого не уговариваю». На следующий день опять звонок: «Ты надумала?» — «Нет». — «Но я тебе дам 110 рублей!» — «Я получаю пятьсот». И тут мама произнесла ключевую фразу: «Но ведь это ТЕАТР». Она считала, что выше театра ничего нет и быть не может.

— Как Наталия Ильинична подбирала единомышленников?

— Она их чувствовала безошибочно. Говорила: «Пусть лучше будет пустое место, вакансия, но я найду тех, кто нужен театру». Она выбирала людей столь же тщательно, как выбирают из руды золотой песок.

Когда мама только вернулась в Москву и не имела ничего, она поехала в туристическую поездку в Германию, где познакомилась с инженером из Электростали Виктором Петровичем Проворовым. Она пригласила его в театр и вырастила преданного и умного директора. И если бы она его не взяла, мы бы с вами не разговаривали сейчас. Потому что после ее ухода из жизни именно Проворов сделал все возможное и невозможное для того, чтобы сохранить театр, утвердить его популярность и творческий потенциал. Наталия Ильинична нашла и главного режиссера Виктора Рябова, высмотрела его на какой-то развлекательной программе в Октябрьском зале. «Это будет мой человек». Так и оказалось. Она услышала о талантливом дирижере Викторе Яковлеве и привезла его из Казахстана. После его смерти дело отца продолжил сын Андрей. Теперь у нас два дирижера: Леопольд Гершкович и Андрей Яковлев. А как она заботилась о воспитанниках открытого ею в ГИТИСе отделения режиссеров различных театров. И сейчас отличные спектакли в театре ставят выпускники: Александр Леонов и Валерий Меркулов. Спектакль Меркулова «Дюймовочка» получил первую премию как лучший детский спектакль Москвы, а на «Снежную королеву» Рябова пошла очень непросто. Первый спектакль, который поставил Рябов, когда не стало Наталии Ильиничны, — «Волшебник Изумрудного города» до сих пор идет с аншлагами.

Она видела в людях не только то, что они представляют собой, но и то, какими они станут в будущем. Она видела, что это люди, которые не просто отдадут себя искусству, но именно ее искусству, смыслу ее жизни.

Такой она была всегда. И в начале 30-х, когда пригласила студента Тихона Хренникова в соавторы спектакля «Мик». Она-то тогда уже была на вершине славы. А работа с Кабалевским, с Анатолием Александровым, с Прокофьевым, который был в нее влюблен! Никто не читал «Петю и Волка» так, как она. Казалось, что музыка продолжается в слове, жесте, интонации и даже в ее облике. Наталия Ильинична читала «Петю и Волка» на всех языках мира, даже на японском.

Она, писатель, музыкант (великолепно играла на рояле), педагог, режиссер, сценарист, организатор, была бы желанна в любом театре. Но могла работать только в детском. Только там ее жизнь обретала смысл.

Вверху: Н. Сац в пору создания Детского музыкального театра. Внизу: Н. Сац 15 лет. Начало творческого пути